

СЕРГЕЙ МАКСИМОВ

НА ВОСТОКЕ
ПОЕЗДКА НА АМУР

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М17

Максимовъ, С.

М17 На Востоке. Поездка на Амур / С. Максимовъ. - М. :
Т8RUGRAM, 2018. - 598 с.

ISBN 978-5-519-66468-4

Сергей Васильевич Максимов (1831-1901) - знаменитый русский путешественник, писатель, этнограф, диалектолог и знаток народного быта.

В середине 60-х годов XIX века Морское ведомство поручило Максиму отправиться на Дальний Восток с целью исследования и описания жизни и быта в только что приобретённой Амурской области.

Книга «На Востоке. Поездка на Амур» представляет собой сборник дорожных заметок и воспоминаний писателя, открывших целую эпоху в востоковедении.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC004000

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Введеніе	5
II. Путь на Амуръ:	
1. По Россіи	67
2. По Сибири	116
III. На Амуръ:	
1. Первые путевыя впечатлѣнія.	
Отъ Усть-Стрѣлки до Благовѣщенска	149
Отъ Благовѣщенска до Хабаровки	196
Отъ Хабаровки до Николаевска	242
2. Заселеніе рѣки Амура	273
3. На устьѣ Амура	312
IV. Въ Восточномъ океанѣ:	
1. На берегахъ океана	331
2. Въ Каютъ-компаніи	359
V. Въ Японіи:	
1-я глава	387
2-я глава	422
VI. Въ Манчжуріи:	
1. Манчжуры	435
2. Городъ Айгунь	460
3. Благовѣщенская ярмарка	485
VII. У Китайцевъ:	
1. Китайцы въ Маймаченѣ	493
2. Русскіе въ Кяхтѣ	522
3. Бѣлый мѣсяцъ	541
4. Чайная торговля	568

I.

В В Е Д Е Н И Е.

Въ четвертый разъ судьба снимаетъ насъ съ обжиженнаго уже и привычнаго мѣста, сдѣлавшагося если не роднымъ вполнѣ, то дорогимъ по многимъ воспоминаніямъ; въ четвертый разъ случай — рѣдкій, но всегда дорогой гость — отнимаетъ у насъ лучшее изъ достояній, добытыхъ родствомъ, привычкой и дружбой, и снова ведетъ на чужбину, въ чужіе люди, въ неизвѣстность. Сьумѣвъ однажды развязать узель, связующій насъ съ существами дорогими сердцу, мы въ четвертый разъ замѣтно-равнодушнѣе переносимъ неизбежную разлуку. Рѣшившись на дальнюю поѣздку, въ четвертый разъ мы ужъ не боимся дорожныхъ невзгодъ и лишеній и помнимъ толковую русскую пословицу, которая прямо говоритъ намъ, что «путь-дорога красна не сномъ, а заботой». Но отчего въ этотъ разъ, какъ въ былые и памятные прежніе, томитъ насъ тоска (не по родинѣ), мучитъ насъ скука (не одиночества), неотступно преслѣдуютъ сомнѣнія не въ возможность добратся до мѣста, не въ слабость силъ физическихъ: иначе, не для чего было подниматься съ мѣста? Но отчего мы испытываемъ безпокойство, неловкость положенія? Отчего самыя простыя, обыденныя вещи кажутся намъ чѣмъ-то роковымъ, непривѣтнымъ: кибитка, какъ стѣны каземата, душитъ насъ и волнуется;

дорога, на этотъ разъ и гладкая и удобная, кажется шероховатой степью, которая ведетъ насъ куда-то въ темную, мрачную неизвестность?

Вотъ вопросы, которые и на этотъ четвертый разъ также неотступно возстаютъ въ воображеніи и наполняютъ всѣ помыслы, какъ это было и въ первые три раза. Попробуемъ разяснить ихъ себѣ, на сколько позволить намъ сдѣлать это память, умѣнье и силы. Кладемъ въ основу откровенность, личныя наблюденія, голые факты, цѣлостно-взятые изъ жизни. Возвращаюсь ко временамъ прошлымъ и начинаю сначала.

Въ маѣ 1855 я оставлялъ Петербургъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ Владимірской Губерніи, населенныхъ тѣми промышленниками, которые въ разныхъ мѣстахъ Россіи носятъ разные названія. Въ большей части случаевъ они извѣстны подъ общимъ прозваніемъ *офеней*, *агодебщиковъ*, *коробейщиковъ*, *разнощиковъ*; въ Малороссіи называютъ ихъ *варянами*, въ Бѣлоруссіи — *маяками*, на сѣверѣ Великой Россіи — *торгованами*, въ Сибири — *суздалами*, на Кавказѣ — *вязниковцами*; сами себя зовутъ они *мазыками*. Селеніями своими они преимущественно группируются въ Вязниковскомъ и Ковровскомъ уѣздахъ Владимірской Губерніи, очень-мало ихъ въ Шуйскомъ, почти нѣтъ въ Гороховецкомъ и положительно нѣтъ въ Суздальскомъ. Торгуютъ они образами, книгами, краснымъ товаромъ, сыромъ, каперсами, калбасами — всѣмъ тѣмъ, что успѣло залежаться и прогнить въ московскихъ лавкахъ Ильинскаго Ряда, всѣмъ тѣмъ, на что падокъ и помѣщикъ, и деревенская дѣвка и баба, и сельскій попъ, въ чемъ нуждается и богатый, и грамотный крестьянинъ, и щеголиха-попадья, и помѣщица, и волостная писарьша, и почтальонша, и проч. Для того, чтобъ крупнѣе обманывать и легче (для своихъ работниковъ, темнѣе для покупателей) объяснять всѣ тонкости надувательства, у купцовъ этихъ существуетъ особый языкъ — офенскій. Нѣсколько десятковъ словъ для примѣра помѣстилъ въ 1839 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Срезневскій съ коротенькимъ предисловіемъ: еще меньшее количество

словъ удѣлили какіе-то изъ нумеровъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Вотъ всё тѣ наличныя свѣдѣнія, къ которымъ могли привести меня печатные источники и съ которыми мнѣ привелось выѣзжать изъ Петербурга на новое дѣло, непривычное, затѣянное первый разъ въ жизни. Позади—ничтожная практика, сложившаяся изъ цѣпи случайностей, когда смотрѣлось на дѣло съ точки зрѣнія фланёра, дилеттанта и никакъ не работника, обязаннаго извѣстнымъ дѣломъ и непреложнымъ обѣтомъ. Впереди—темное дѣло съ темнымъ успѣхомъ, даже съ вѣроятностью неудачнаго исхода, тѣмъ болѣе, что опять-таки позади ни одного примѣра, никакой школы и поученія: масса путешествій—и въ нихъ конечные результаты, послѣдніе выводы и ни одного намѣка на закулисныя, такъ-сказать, рудниковыя работы; значительное число путешественниковъ—и всё они или рожются въ архивахъ, добывая историческіе матеріалы и заявляя ихъ міру, или собираютъ травы, каменья, наследживаютъ отмѣны, разновидности животнаго царства; таковы П. П. Свиньинъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Палласъ и многіе другіе; и затѣмъ почти ни одного слова для этнографіи и за этнографію. Почти двадцать лѣтъ раздается въ безпривѣтной пустынѣ одинъ голосъ Владиміра Ивановича Даля, голосъ сильный, заслужившій почетный авторитетъ, авторитетъ, взятый съ боя безъ уступокъ, безъ апелляцій. Голосъ этотъ не остался безъ привѣта и отвѣта: «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» сталъ наполняться этнографическими статьями, которыя замѣтно ослабѣли въ числѣ и качествѣ, когда вновь-основанное географическое общество заявило свои изданія: «Записки» и «Вѣстникъ». И тутъ и тамъ, и въ литературныхъ журналахъ стали часто появляться этнографическія статьи, но вездѣ съ конечнымъ итогомъ, съ послѣднимъ выводомъ. Вездѣ тщательно и кокетливо припрятывались предуготовительныя, закулисныя работы, тѣ, которыя могли бы давать и примѣры и поученіе. Оставалось идти по завѣтному русскому обычаю на авось; положиться на случай, попытаться придумать свои сред-

ства и запастись возможно-большимъ терпѣніемъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Быстро примчала меня желѣзная дорога въ Москву; скоро очутился я у рогожской заставы, гдѣ большой тарантасъ, шедшій въ Нижній, дожидался только одного попутчика. Извозики, по обыкновенію, накинулись на меня огромной толпой: видимо рады были моему появленію; запросили съ меня огромную сумму, считая за новичка, и не ошиблись. Сѣвъ въ тарантасъ, я имѣлъ удовольствіе слышать отъ одного сосѣда, что онъ заплатилъ только половину моей суммы, и ѣхалъ до Нижняго, а отъ другаго, что онъ заплатилъ противъ меня вдвое и ѣхалъ не до Вязниковъ, какъ я, а только до Владиміра. Все, словомъ, случилось такъ, какъ бываетъ это и до сихъ-поръ, по положенію: раньше, пришелъ — оплатишь всю дорогу; позже пришелъ, да узнаешь, что, сѣдоки есть, заплатишь ничтожную сумму, которую иной разъ стыдно выговорить; самымъ послѣднимъ пришелъ — при отъѣздѣ, когда уже не только окуплена вся дорога, но и взять крупный залишекъ — уѣдешь чуть не даромъ. Во всемъ умѣне и сноровка и такова уже логика, исконный порядокъ и обычай всѣхъ ямщиковъ у рогожской.

Показали мы билеты свои на заставѣ, заплатили шоссейную пошлину и поѣхали. Ямщикъ у насъ безсмѣнный, беззащитный, разговорчивый; каждаго спросилъ, куда ѣдетъ, кто таковъ, и зачѣмъ. Дошелъ и до меня чередъ:

— Отгадай! предложилъ я ему.

— Да какъ тутъ тебя судить? дѣло темное. Пальто, вишь, на тебѣ изъ парусины, наде быть, шито; шапка нервная. Кто тебя знаетъ, что ты такое?

— Такъ на то, поди-тебѣ, и голова въ плечи ввинчена, чтобъ знать да думать, и на то ты извозникомъ зовешься, чтобъ сразу отгадывать и въ одинъ духъ догадываться о сѣдокахъ; а затылкомъ-то я и самъ, братъ, крѣпокъ.

— По рѣчи-то по твоей равно бы ты изъ кутейниковъ. Они больно на языкъ-отъ зубасты бываютъ.

— Зачѣмъ же ты изругался-то?

— Кутейникомъ назвалъ? Извини! Такъ я тебя и духовенствомъ могу взвеличать—изволь, сдѣлай милость!

Такъ и вышло: всю дорогу до Вязниковъ я слылъ подъ именемъ духовнаго. Замѣшкался ли я на станціи—«духовнаго нѣтъ» замѣчалъ ямщикъ. «Какого духовнаго?» спрашивали товарищи. «А что въ бѣломъ-то».

— Не бросай, господинъ духовный, окурокъ-отъ, дай мнѣ. Какъ ты вотъ уже въ попахъ трубку-то будешь курить—за волосы трепать стануть.

— А что, господинъ кутейникъ ... то-бишь духовный господинъ, подыскалъ ли ты себѣ поповну то? Безъ того, вѣдь, и мѣста не получишь.

— Учатъ ли васъ наукѣ-то этой, чтобы по звѣздамъ читать и сказывать, что какая звѣзда значить, духовный чловѣкъ?

И все въ такомъ родѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ, обращенныхъ въ большей части случаевъ въ формѣ вопросовъ, по которымъ можно было видѣть не пытливаго изслѣдователя, а простаго, празднаго разспрощика, который оттого и задаетъ вопросы, что ему больше дѣлать нечего. Онъ меня успѣлъ уже спросить (и не одинъ разъ): на чемъ свинья хвостъ носить? какъ выходить по наукѣ: къ слезамъ или къ радости лѣвый глазъ чешется; шуриновъ племянникъ какъ зятю родня? мужъ съ женой, братъ съ сестрой, шуринъ съ зятемъ: сколько народу стало? словомъ, это былъ ямщикъ, распущенный, избалованный купеческой повадкой и баловствомъ, ямщикъ, который хорошъ былъ бы въ лакейской компаніи, едва-ли пригоденъ къ другому дѣлу, помимо легкаго дѣла — извоза, и, навѣрное, не устоялъ бы въ такой работѣ, которая требуетъ и вниманія, и догадливости, и смѣтки, а потому-то онъ, навѣрное, и состоитъ въ ямщикахъ.

Спутники мои на этотъ разъ оказались тоже несостоятельными и пригодились только на то, чтобы идти въ долю на чай, на порцію селянки, на пару пива. Одинъ оставилъ насъ во Вла-

дмиръ, его мѣсто занялъ другой, еще хуже, а въ Вязникахъ оставили меня и тѣ и другіе: и старые мои спутники, и новые.

Въ Вязникахъ я остался одинокъ, безъ совѣтника, безъ руководителя на постояломъ дворѣ, остался потому именно, что изъ Вязниковъ путь мнѣ лежалъ въ сторону за Клязьму, гдѣ, въ 40 верстахъ, лежало село Холуй, съ иконописцами до послѣдняго обитателя, съ окрестными деревнями и селами, заселенными исключительно одними офенями. Тамъ моя Мекка, моя Медина, мой Эльдorado!

Толстый, безобразно-толстый и (вслѣдствіе того) флегматическій дворникъ оставался пока единственнымъ моимъ совѣтникомъ руководителемъ, другомъ, если я имѣлъ только право на это послѣднее названіе тогда, и если не принимать въ расчетъ его грубые, краткіе отвѣты, которые обижали меня вначалѣ съ непривычки, отъ незнанія и неумѣнья освоиться съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Такъ я рѣшилъ впослѣдствіи; но на первыхъ порахъ выговорилъ—таки дворнику этому свое неудовольствіе:

— Видимся мы съ тобой впервые, другой разъ, можетъ-быть, и не сойдемся; знаемъ мы другъ друга всего только безъ году недѣлю. Я тебя не обидѣлъ, и говорилъ—то съ тобой — только квасу попросилъ, а такой ты сердитый, неразговорчивый! Ляпнулъ мнѣ давеча одинъ короткой да крутой отвѣтъ, и то словно быкъ рогатый въ бочку рывкнулъ.

— Да вы изъ дворянъ, что ли?

— А хоть бы и такъ, положимъ, на первый разъ.

— Ну, такъ извините: такъ и знать станемъ. Что же вамъ отъ меня надо?

— Хочется знать, какъ въ Холуй проѣхать?

— А по дорогѣ надо ѣхать.

— Остроту твою чувствую, а не дивлюсь: толку-то она мнѣ мало сказываетъ.

— Надо лошадей нанять.

— Не коровъ же, полагаю.